

Орудийная деятельность, язык и мышление: фундаментальная триада человеческого

Научный руководитель – Покровская Татьяна Павловна

Белых Екатерина Сергеевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра социальной философии, Москва, Россия

E-mail: belyhkaterina16@yandex.ru

Постижение природы человека, обнаружение атрибутивных свойств последнего, поиск субстанционально полноценных критериев сугубо человеческого способа бытия в мире - безусловно, важнейшие проблемы философского постижения действительности. Представляется, что отмеченный проблемный пласт неминуемо приводит пытливый ум философа в область исследований, относящихся к фундаментальным вопросам антропосоциогенеза.

Действительно, процесс становления и развития *Человека разумного* и той *надорганизмической социальной реальности*, которую он воспроизводит и в которой он воспроизводится, во многом обнажает ключевые научные, философские проблемы, связанные с человеческой природой.

В данном контексте необходимо обратить внимание на взаимодействие таких сугубо человеческих «активностей», как орудийная деятельность, язык и мышление. Отмеченные процессы представляются фундаментальной *триадой*, лежащей в основе человеческой сущности.

Поясняя отмеченный выше тезис, следует, в первую очередь, отметить два ключевых этапа, или, вернее, скачка, в процессе антропогенеза. Первый знаменует переход от животного предка к формирующемуся человеку, то есть существу, которое по ряду анатомических и поведенческих признаков еще не является полноценным человеком, однако уже обрело специфические, «неприродные» черты. Второй скачок связан с переходом от человека формирующегося к человеку готовому, образ жизни которого *принципиально* иной, нежели у представителей мира природа. В качестве определяющего критерия «человечности» учеными выделяются, с одной стороны, изготовление, хранение и шаблонное воспроизводства орудий труда, с другой - вербально-понятийное мышление [2]. Оставляя в стороне вопрос о субстанциональной полноте отмеченных критериев и их онтологической и эпистемологической значимости, обратимся к тезисному изложению специфики взаимодействия орудийной, языковой и мыслительной деятельности.

Представляется, что наиболее концептуально данное взаимодействие было теоретически осмыслено еще Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Разумеется, что открытия в области палеонтологии, археологии, нейропсихологии и прочих естественных, а также гуманитарных наук могли и могут ставить под сомнение изложенные Ф. Энгельсом положения. Однако зачастую теоретические построения обладают большим объяснительным потенциалом в вопросах усмотрения предельных оснований бытия, даже если эти построения были подвергнуты яркой критике, получили фактическое опровержение, или, наоборот, еще не обросли эмпирическими подтверждениями.

Труд, по мнению Ф. Энгельса, сыграл фундаментальную роль в становлении человека. Освоив орудийную деятельность, человек оказался в состоянии пополнять и аккумулировать знания об окружающей среде, расширять кругозор, выходить за рамки конкретно-

чувственного восприятия (здесь также уместно вспомнить тезис А.Н. Леонтьева о выходе познания за пределы порогов ощущений в результате использования орудий как посредников в рамках субъект-объектных отношений человека со средой [1]).

В трудовые взаимоотношения, сплачивающие членов коллектива, вовлекалось все большее число индивидов, осознавалась польза *совместной деятельности*, тем самым появилась потребность в *вербальной коммуникации*, сопровождающей орудийную деятельность и способствующей наиболее эффективному протеканию последней.

Трудовая деятельность, высокая интенсивность интеракций между членами коллектива и членораздельная речь способствовали развитию *мозга* человека. «Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим всё новые и новые толчки к дальнейшему развитию» [3].

Таким образом, принципиально иной способ адаптации к среде, орудийная деятельность, способствовала возникновению *мышления*. Разумеется, что здесь возникают новые вопросы, порой носящие характер неразрешимых. К примеру, какими чертами обладает этот «прачеловек», «человек», который оказывается «готов» к орудийной деятельности, который оказывается в состоянии инсталлировать и генерировать этот адаптивно-адаптирующий вид активности. Нельзя рассматривать этого «человека» как нечто априорное, ровно как нельзя рассматривать эти усваиваемые им типы активности как нечто априорное. Должны возникнуть допущения о вероятности другого исхода, и здесь возникает историчность анализа. Сам этот «вымышленный» априорный человек, возможность его появления в истории, его «готовность» к орудийной, языковой и мыслительной деятельности - это проблема философии.

Источники и литература

- 1) Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- 2) Социальная философия и философия истории: учеб. пособие / под ред. К.Х. Момджяна. М., 2018.
- 3) Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 20.